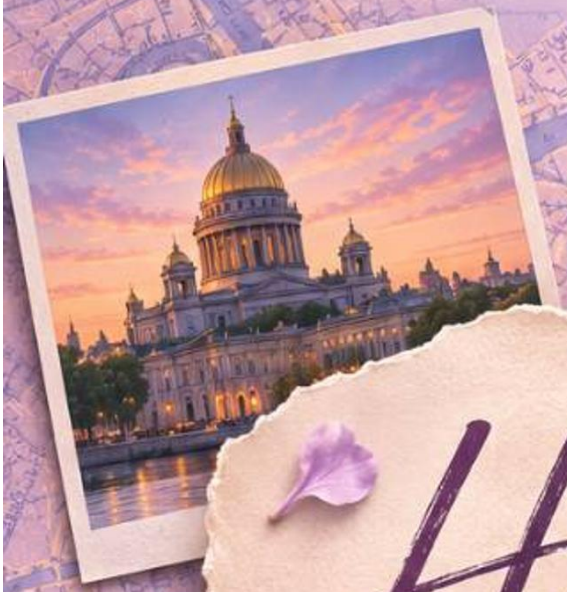
НИКА КУМИХО

На своей частоте

Не каждому пути нужна инструкция

Ника Кумихо

На своей частоте

«Автор»
2026

Кумихо Н.

На своей частоте / Н. Кумихо — «Автор», 2026

Мира всю жизнь пыталась быть такой, как все. Запоминала правила общения, скрывала свои чувства и боялась показаться странной.Переезд в Петербург должен был стать началом новой жизни. Но новые знакомства, первая любовь и неожиданные открытия заставляют её усомниться во всём, что она знала о себе.Но готова ли Мира узнать правду, которая изменит её представление о себе?«На своей частоте» — история о любви, взрослении и смелости быть собой.

© Кумихо Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. 5
Глава 1. Новый город, новая я 13
Конец ознакомительного фрагмента. 26

На своей частоте

Пролог.
Инструкция по нормальности

На третий раз чемодан наконец закрылся.

Я села рядом с ним на пол и посмотрела на часы. До поезда оставалось одиннадцать часов сорок минут. Если лечь прямо сейчас, можно было поспать почти восемь часов. Точнее семь с половиной, если учесть душ, будильник и обязательные пять минут на поиски телефона, который я сама куда-нибудь положу.

План выглядел вполне осуществимым.

Я потянулась к столу за телефоном и открыла список вещей.

Документы — есть. Зарядка для ноутбука — есть. Наушники — есть. Запасные наушники — тоже есть.

На последнем пункте я задержалась. Брать две пары наушников, возможно, было излишне. Первые прекрасно работали и ломаться не собирались. С другой стороны, они не могли заранее сообщить о своих намерениях.

Я оставила запасные.

Ниже значилось «дорожная аптечка». Возле этого пункта галочки не было. Пришлось снова расстегнуть чемодан.

Я успела приподнять стопку футболок, когда из кухни донеслось:

— Мирослава! Ты собираешься сегодня ужинать?

— Сейчас!

— Ты это уже полчаса говоришь!

— В прошлый раз я сказала «через минуту»!

Мама что-то ответила, но я не разобрала. Нашла аптечку в боковом кармане, отметила пункт в телефоне и оставила чемодан открытым. В конце концов, закрыть его в четвёртый раз было не так уж трудно.

В прихожей стояла дорожная сумка с продуктами, которую мама собрала мне в дорогу. Она собиралась положить туда ещё пирог, хотя поездка занимала всего несколько часов. По её представлениям, человек, отправлявшийся в другой город, обязательно должен был запастись едой так, словно впереди ожидала экспедиция на необитаемый остров.

Я в этом смысле ничем от неё не отличалась. Только предпочитала запасаться информацией.

В кухне пахло жареной картошкой и яблоками. Мама стояла у плиты в домашних брюках и старой футболке с растянутым воротником. Когда я была маленькой, она надевала её для покраски стен. Стены с тех пор давно перекрасили, а футболка продолжала жить.

— Ты опять всё перекладывала? — спросила мама, не оборачиваясь.

— Проверяла.

— Третий час?

— Два часа двадцать минут.

Она повернулась и посмотрела на меня.

— Господи, Мир. Как же ты будешь жить одна?

Это был вопрос, над которым я действительно размышляла последние недели. У меня имелись инструкции на случай потери ключей, список ближайших магазинов, схема дороги до академии, отдельная папка с документами и телефон дежурной общежития. Я знала, сколько стоят проездные и где находится ближайшая к корпусу аптека. Но я понятия не имела, напри-

мер, можно ли оставлять свою кастрюлю на общей кухне. Или что принято говорить человеку, с которым вы случайно одновременно подошли к душевой.

Наверное, второе решалось довольно просто. «Проходите первым» должно было подойти.

— Разберусь, — сказала я.

— Конечно, разберёшься. Садись, пока не остыло.

Я устроилась за столом. Мама поставила передо мной тарелку, налила себе чай и села напротив.

За окном уже стемнело. В соседнем доме светились окна, во дворе кто-то пытался завести машину. Всё вокруг было настолько знакомым, что я вдруг подумала: завтра в это же время буду сидеть в комнате, которой никогда раньше не видела, напротив девушки, о которой знаю только имя.

Хотя имя — уже кое-что.

— Ты рада? — спросила мама.

Я подняла глаза.

— Чему?

— Как чему? Университету. Петербургу. Новым людям. Ты же так хотела туда поступить.

— Конечно, рада.

Это была правда. Когда на сайте приёмной комиссии появились списки зачисленных, я трижды проверила свою фамилию, а потом расплакалась. Мама решила, что от счастья. Я не стала уточнять, что счастья там было примерно столько же, сколько облегчения после нескольких месяцев ожидания.

Северная академия визуальных искусств была именно тем местом, где я хотела учиться. Мне нравилась программа, работы студентов, возможность заниматься визуальными коммуникациями не как украшением картинок, а как способом делать информацию понятной. Я даже сохранила несколько фотографий мастерских и иногда открывала их просто так.

И всё же радость не отменяла того, что перед переездом хотелось залезть под одеяло и попросить мир немного подождать.

— А вид у тебя такой, будто на экзамен собираешься, — заметила мама.

— Просто много всего нужно сделать.

— Всё уже сделано. Ты даже маршрут от вокзала изучила.

— Там пересадка на метро. И потом пешком.

— Да знаю я. Ты мне карту показывала.

Я прикусила язык. Кажется, показывала два раза.

Мама отпила чай.

— Ты главное не сиди там одна всё время. Сходи на знакомство, подружись с ребятами. Студенческие годы — лучшее время для этого.

— Хорошо.

— И не бойся первой заговорить. А то знаю я тебя: найдёшь уголок, откроешь книгу, а все уже друг с другом познакомятся.

— Я не всегда читаю в одиночестве.

— Да знаю, Мир. Я просто хочу, чтобы у тебя было побольше друзей.

Она сказала это так ласково, что возразить стало невозможно. Мама действительно хотела мне хорошего. Просто в её представлении хорошая жизнь непременно состояла из большого количества разговоров, поездок, встреч и внезапных приглашений, на которые человек радостно соглашался.

Мне всё это тоже нравилось. По крайней мере, иногда. Но после насыщенного дня я чаще мечтала о тишине, чем о новых знакомствах. А если люди собирались в компании больше

четырёх человек, мне становилось трудно следить за разговором: пока я придумывала ответ одному, другой уже начинал рассказывать совершенно новую историю.

Объяснять это было неудобно. Я и сама не вполне понимала, почему у меня так получается.

— Постараюсь, — пообещала я.

Мама улыбнулась.

— Вот и умница.

Мы продолжили ужинать. Она рассказывала про коллегу, которая в очередной раз перепутала дни отпуска, про соседку, отправившую сына учиться в Москву, и про то, как сильно вырастут цены на продукты к зиме. Я слушала, отвечала, когда нужно, и чувствовала, что за всеми этими обыкновенными словами прячется одна мысль: завтра мы будем жить в разных городах.

Мама, кажется, тоже думала об этом. Иначе вряд ли она трижды спросила бы, положила ли я документы.

После ужина мы вместе помыли посуду. Я вытирала тарелки, мама складывала их в шкаф, и несколько минут мы молчали вполне спокойно. Потом она неожиданно сказала:

— А если тебе там не понравится, ты ведь скажешь?

Я обернулась.

— Конечно.

— Не будешь терпеть до последнего?

Вопрос застал меня врасплох. Обычно именно мама советовала не обращать внимания на мелочи и стараться привыкать.

— Не буду, — ответила я.

Она посмотрела внимательно, словно пыталась определить, насколько мне можно верить.

— Хорошо. Ты у меня взрослая, я понимаю. Но взрослым тоже можно звонить маме.

Я засмеялась.

— Я собиралась.

— Вот и договорились.

Она легко коснулась моей щеки, и мне вдруг захотелось обнять её. Я поставила полотенце на стол и так и сделала.

Мама удивилась только на секунду. Потом крепко обняла в ответ.

***

Позже она принесла в комнату светло-голубую футболку.

— Эту не забудь. Мы специально купили перед поездкой.

Я посмотрела на вышитый цветок у воротника.

— Не хочу её брать.

— Почему? Она же тебе понравилась.

— В магазине понравилась. А дома я померила — шов мешает.

— Какой ещё шов?

Я показала пальцем на внутреннюю сторону воротника.

Мама повертела футболку.

— Мир, обычный шов. Даже не грубый.

— Но он колется.

— Ты её две минуты носила.

— За эти две минуты он не перестал колоться.

Мама вздохнула. Я поняла, что ответ прозвучал резко, и уже приготовилась извиниться. Но она присела на край кровати и снова рассмотрела воротник.

— А если подшить здесь мягкую полоску ткани?

Я удивилась.

— Можно попробовать.

— Оставь тогда. Сделаю, пока тебя нет, и потом привезу.

Она сложила футболку на коленях.

— Только старую серую не носи каждый день. Совсем уже вытерлась.

— Она удобная.

— Знаю, — сказала мама, и на этот раз в её голосе не было раздражения. — Я помню.

Конечно, помнила.

Когда мне было шесть, у нас дома хранились маленькие ножницы с красными ручками. Я называла их спасательными. Мама доставала их каждый раз, когда очередная бирка мешала мне носить футболку или платье. Иногда ворчала, что производители одежды вряд ли шьют вещи специально против меня, но бирку всё равно срезала.

Мне нравился щелчок ножниц и то облегчение, которое наступало после него. Можно было снова думать о чём-то другом, а не о крошечной полоске ткани на шее.

Правда, когда я подросла, перестала просить маму о помощи. Сначала научилась срезать бирки самостоятельно. Потом — выбирать одежду, в которой ничего не мешало. А иногда просто терпела, если вещь считалась красивой или подходящей для определённого случая.

На выпускном, например, я весь вечер думала о туфлях. Они были прекрасными, и мама говорила, что в них я выгляжу совсем взрослой. К концу праздника я мечтала только о том, чтобы снять их. Все вокруг обсуждали, какой незабываемый вечер получился, а я не могла дождаться, когда вернусь домой.

На фотографии с выпускного я улыбалась. Никто бы не догадался про туфли.

— Ты чего задумалась? — спросила мама.

— Вспомнила выпускной.

— Хороший был праздник.

— Да, — ответила я.

В каком-то смысле он действительно был хорошим. Мне понравилась музыка в начале, речь нашей классной руководительницы и момент, когда нам вручили аттестаты. Ещё я любила фотографию, на которой мы всем классом стояли на школьной лестнице. Только ноги под конец очень болели.

Я решила не рассказывать об этом сейчас. Через несколько часов мне уезжать, незачем спорить о выпускном.

Мама положила голубую футболку на кресло и ушла, а я осталась возле открытого чемодана.

Мне вдруг захотелось достать серую футболку и надеть прямо сейчас. Вместо этого я аккуратно свернула её и положила сверху, чтобы в общежитии не пришлось долго искать.

***

В половине десятого пришло сообщение с незнакомого номера.

«Привет!!! Это Лера, твоя соседка по общаге. Нам контакты скинули в чате. Ты завтра во сколько приезжаешь?»

Я села за стол и открыла профиль отправительницы. На фотографии девушка с волнистыми светло-каштановыми волосами держала рыжего кота. Кот смотрел в камеру с таким выражением, будто его заманили в кадр обманом.

«Здравствуйте, Валерия. Поезд прибывает в 13:40. Планирую заселиться примерно к 15:00», — написала я.

Перечитала.

Слишком официально. Мы ведь будущие соседки, а не участницы деловой переписки.

Я всё удалила.

«Привет! В 13:40. Думаю, к трём буду уже в общежитии».

Ответ пришёл почти сразу.

«Ооо супер! Я утром приеду. Уже не могу дождаться. Ты откуда вообще? Я из Твери».

Я ответила, откуда еду, и, пока печатала, получила ещё два сообщения. Лера рассказывала о коте, которого оставила родителям, и о том, что очень боится перепутать корпуса академии. Потом прислала голосовое сообщение.

Двенадцать секунд.

Я надела наушник и прослушала. Лера говорила быстро, но довольно понятно:

— Слушай, я хочу гирлянду в комнате повесить. Она такая миленькая, разноцветная. Ты не против? Если что, можем вместе выбрать, куда её прикрепить.

Следом появилась фотография коробки с маленькими лампочками.

Я увеличила изображение.

— Симпатичная, — сказала я вслух.

Потом вспомнила, что некоторые гирлянды постоянно мигают. От такого света мне обычно хотелось отвернуться, особенно вечером, когда глаза и так уставали.

«Не против. А у неё есть режим без мигания?»

Отправила и сразу пожалела.

Мы даже не встретились, а я уже выставляла условия. Конечно, Лера сама спросила, но вдруг это была просто вежливость? Вдруг нужно было сказать, что мне всё нравится, а потом как-нибудь привыкнуть?

Телефон завибрировал.

«Да, конечно!!! Там несколько режимов. Я тоже могу на постоянный поставить».

Я выдохнула.

«Спасибо!»

«Да не за что! Я так надеюсь, что мы подружимся. А то я никого в Питере не знаю».

Я посмотрела на экран.

Мне тоже хотелось подружиться. Правда. Я уже представляла, как мы будем вместе ходить на пары, обсуждать преподавателей, выбирать книги и иногда гулять по городу. Но обещать дружбу незнакомому человеку казалось странным. Вдруг мы не понравимся друг другу? Вдруг окажется, что у нас совсем разные привычки?

Я набрала: «Я тоже надеюсь».

Потом подумала, не слишком ли сухо это звучит, и добавила улыбающийся значок.

Лера прислала три сердечка и фотографию того же кота, теперь спящего в раковине.

— Ладно, — сказала я телефону. — С тобой, кажется, будет интересно.

Впервые за вечер предстоящий переезд перестал казаться сплошным перечнем неизвестных обстоятельств. У неизвестной соседки появилось лицо, кот и гирлянда, которую можно было сделать немигающей. Этого было не так уж мало.

***

Когда я закончила переписку, было почти десять.

Мама уже убрала кухню. За стеной негромко работал телевизор. Соседская машина наконец завелась и выехала со двора, оставив после себя несколько минут тишины.

Я выключила верхний свет и зажгла настольную лампу. Комната стала мягче, привычнее. За столом я провела столько вечеров, что знала наизусть каждую царапину на его поверхности.

На стене висела карта города, которого не существовало.

Я нарисовала её в четырнадцать лет. У него были три набережные, круглая площадь перед вокзалом, маленькие парки между жилыми кварталами и несколько трамвайных линий. Я придумывала маршруты, отмечала остановки, решала, где должны находиться школы, больницы и библиотеки. Иногда переделывала целые районы, потому что обнаруживала: до ближайшего магазина людям пришлось бы идти слишком далеко.

Мне нравилось, что в моём городе можно было всё исправить.

Если улица заканчивалась тупиком в неудобном месте, я продлевала её. Если остановка находилась слишком далеко, переносила ближе. И никто не обижался на меня из-за перемен, потому что жителей там не было. По крайней мере, настоящих.

Я прислонилась ладонью к карте, поправляя отошедший уголок. Завтра впервые увижу Васильевский остров не на экране, а собственными глазами. Проверю, правда ли линии настолько прямые, как выглядят на плане. Найду академию и попробую запомнить её коридоры.

Эта мысль мне нравилась.

А потом я представила, как на первом занятии преподаватель попросит познакомиться с группой.

И радость сразу стала немного тревожной.

Я выдвинула нижний ящик стола.

Под школьными тетрадями лежал старый блокнот с тёмно-синей обложкой. Резинка растянулась, несколько страниц держались на честном слове. На первой аккуратными буквами было написано:

«Правила общения».

Мне было двенадцать, когда я решила его завести. Тогда одна девочка из класса перестала разговаривать со мной после ссоры, причины которой я долго не могла понять. Я спрашивала, что произошло, но она отвечала «ничего» таким тоном, что было ясно: произошло что-то очень серьёзное.

В конце концов мы помирились. Однако я так и не поняла, в какой момент должна была догадаться, что она обиделась, хотя прямо об этом не говорила.

Я решила собирать правила, которые помогут в будущем.

Поначалу там были совсем простые советы, найденные в интернете: не перебивать, интересоваться собеседником, благодарить за помощь. Потом появились наблюдения, которых ни в одном справочнике не было.

«Если человек спрашивает, как дела, иногда достаточно ответить „хорошо“».

«Не исправляй чужую ошибку при всех, если это никому не навредит».

«Не рассказывай слишком подробно о том, что любишь, пока не убедишься, что другому интересно».

«Если шутка непонятна, можно просто улыбнуться».

Блокнот был полезным. По крайней мере, мне так казалось. После его появления я стала реже говорить не к месту, легче поддерживала разговоры и постепенно научилась замечать момент, когда люди начинали скучать.

Правда иногда, пока я соображала, что именно следует ответить, беседа успевала уйти куда-то дальше. Но это была уже другая проблема.

Я перелистала страницы. Некоторые записи казались смешными. Например, однажды я серьёзно записала: «Если зовут в гости, лучше уточнить, приглашение настоящее или просто проявление вежливости». Под этим стояли три вопросительных знака, потому что я так и не придумала, как уточнять подобное, не заставляя всех чувствовать неловкость.

Были записи, которые мне не нравились.

«Не показывай, если тебе скучно».

«Не говори, что устала, пока другие хотят продолжать».

«Старайся быть проще».

Последнее было подчёркнуто красным.

Я задержалась на нём.

Что вообще означает «проще»?

Не задавать лишних вопросов? Не объяснять слишком подробно? Не расстраиваться, если что-то идёт не по плану?

Наверное, всё сразу.

Я открыла чистую страницу и написала наверху: «Университет».

Долго смотрела на белый лист. Потом вывела первый пункт.

«1. Не бояться первой знакомиться».

Следом появился второй.

«2. Чаще соглашаться на приглашения».

Я вспомнила Леру с рыжим котом и решила, что это правило вполне пригодится.

«3. Не расстраиваться, если планы меняются».

«4. Не рассказывать слишком много о своих увлечениях».

«5. Быть спонтаннее».

Я перечитала список.

Вроде бы ничего сложного. Люди вокруг каждый день делали всё это без подготовки. Они знакомились в очередях, договаривались о встречах за десять минут, меняли планы и не тратили целый вечер на переписку из нескольких сообщений.

Я тоже могла научиться. Должна была.

Иначе какой смысл уезжать в другой город, если там я останусь прежней?

***

Мама постучала в открытую дверь.

— Ты ещё не легла?

Я прикрыла блокнот ладонью, сама не зная зачем.

— Уже собираюсь.

Она посмотрела на чемодан, который всё ещё стоял раскрытым посреди комнаты.

— Я даже спрашивать не буду.

— Я его закрыла. Потом вспомнила аптечку.

— Аптечка на месте?

— Да.

— Значит, теперь можно спать.

Мама подошла и обняла меня за плечи. Я прижалась щекой к её руке.

— Буду скучать, — сказала она.

— Я тоже.

— Звони, как приедешь. И когда заселишься. И если что-нибудь понадобится.

— Мам, я не забуду.

— А то ты уедешь и станешь совсем взрослая. Перестанешь маме всё рассказывать.

Я хотела пошутить, что и сейчас рассказываю ей не всё. Но почему-то не стала.

— Я буду звонить.

Она поцеловала меня в макушку.

— Знаешь, тебе не обязательно сразу всем нравиться, — сказала вдруг мама.

Я подняла голову.

— Почему ты это говоришь?

— Просто. В новом месте разные люди попадутся. С кем-то подружишься, с кем-то нет. Это не экзамен.

Мне захотелось спросить, почему тогда она весь вечер советовала больше общаться. Но я понимала, что мама не видит в этих словах противоречия. Она хотела, чтобы я была смелее, и одновременно не хотела, чтобы я расстраивалась, если не всё получится.

Иногда две хорошие мысли очень плохо помещались рядом.

— Хорошо, — ответила я.

— Только, пожалуйста, не прячься в комнате всё время.

Я невольно улыбнулась.

— Постараюсь.

Мама погасила свет в коридоре и ушла.

Я убрала блокнот в рюкзак, застегнула чемодан в четвёртый и, надеюсь, последний раз, затем подошла к зеркалу.

В отражении стояла девушка с тёмными волосами до подбородка, усталыми глазами и в старой футболке, которую мама предлагала выбросить. Завтра она станет студенткой. Будет жить в Петербурге, ходить на занятия, работать над настоящими проектами и знакомиться с людьми, которые пока даже не знали о её существовании.

Я выпрямила спину.

— Привет, я Мира, — сказала я отражению.

Прозвучало слишком тихо.

— Привет! Я Мира.

Так было лучше. Только улыбка получилась напряжённой.

Я попробовала ещё раз. Потом остановилась. Лицо устало от репетиций не меньше меня самой.

На часах было почти одиннадцать. Завтра нужно было вставать рано, а я снова занималась вещами, без которых вполне можно обойтись.

Я выключила лампу и легла.

В темноте привычно скрипнула батарея. За окном прошёл поздний автобус. Из кухни донёсся звук чашки: мама, наверное, решила ещё раз попить чай.

Я подумала, что завтра эти звуки останутся здесь без меня.

Потом вспомнила незнакомую комнату, Лерину гирлянду и шумный Петербург, который до сих пор существовал для меня преимущественно в виде схем и фотографий.

Стало страшно. Но совсем немного хотелось смеяться от нетерпения. Наверное, именно так и бывает перед чем-то большим.

Я повернулась на бок, подтянула одеяло к подбородку и закрыла глаза.

В этот раз всё должно получиться.

На этот раз я очень постараюсь всё сделать правильно.

Глава 1. Новый город, новая я

На перроне Московского вокзала мужчина в клетчатой рубашке упорно пытался снять с верхней полки чемодан, который был шире самого прохода.

— Поверните боком, — подсказала женщина с ребёнком.

— Я и так боком!

— Вы боком. А чемодан — нет.

Мне пришлось отвернуться, чтобы не засмеяться. Поезд стоял уже минуты три, но выйти из вагона пока не удалось никому в нашей части коридора. Люди собирались плотной очередью, подтягивали сумки, просили пропустить и с каким-то удивительным единодушием вздыхали.

Я стояла возле двери купе, прижимая к себе рюкзак. На телефоне светилось сообщение от мамы: «Ну как, приехала?» Вслед за ним появилось второе: «Только не забудь поесть». Я написала, что поезд уже на месте, но отправить не успела: мужчина наконец победил чемодан, и очередь двинулась.

На ступеньках вагона я замешкалась. Одной рукой держалась за поручень, другой пыталась удержать ручку дорожной сумки, которая внезапно решила соскользнуть с плеча. За спиной деликатно кашлянули. Я быстро спустилась на платформу, отступила в сторону и только тогда выдохнула.

Петербург пах мокрым камнем, железом и кофе из ближайшего киоска. Над платформами висел серый свет, не утренний и не вечерний. Дома, откуда я приехала в другой город, в такой час было бы солнечно. Здесь погода, судя по всему, решила не придерживаться расписания.

Я поставила чемодан на колёса и отправила маме сообщение. Добавила: «Всё хорошо», хотя пока успела лишь выйти из поезда. Но именно этого она от меня и ждала. С точки зрения мамы, благополучное прибытие означало, что худшее позади. С моей точки зрения, самое сложное ещё не началось.

Мне предстояло добраться до общежития, получить ключ, найти комнату и познакомиться с девушкой, которую я вчера видела только на фотографии с недовольным котом. Вечером мы немного переписывались. Лера умудрилась за четверть часа рассказать мне о коте, гирлянде, младшем брате и человеке, с которым однажды перепутала билеты на концерт. Я успела рассказать, откуда приехала, и уточнить, какой режим у её гирлянды.

Для начала знакомства получилось неплохо.

На вокзале звуки будто не имели отдельных источников. Голос диктора отражался от высокого потолка, рядом скрипели колёса, кто-то звал такси, в дверях смеялась компания студентов. Я пошла вдоль стены, где поток людей был чуть реже, и остановилась возле схемы выхода.

— Девушка, вам помочь? — спросил мужчина в форме сотрудника вокзала.

Я автоматически выпрямилась.

— Спасибо, нет. Я нашла.

Хотя на самом деле ещё искала. Мне хотелось попасть к переходу на метро, не выходя лишний раз на улицу с тяжёлым чемоданом. Сотрудник указал на табличку, возле которой я и стояла.

— Вам туда, дальше по указателям.

— Спасибо, — повторила я.

Он ушёл, а я почувствовала себя немного глупо. Можно было сразу спросить. Для этого люди и работают на вокзале. Но слово «нет» выскочило быстрее, чем я успела подумать.

В переходе я впервые остановилась не из-за маршрута.

На стене висела старая фотография города: трамваи, люди в пальто, широкая улица без привычного потока машин. Я приблизилась к снимку, пытаясь разобрать детали. Слева на фасаде был виден знак, напоминавший стрелку, но часть изображения закрывала рамка. Мне страшно захотелось увидеть снимок целиком.

Сзади раздался звонкий сигнал чемоданных колёс, и я отступила. Двое пассажиров протиснулись мимо, даже не заметив фотографии.

Удивительно, подумала я, сколько интересного можно пропустить, если всё время куда-то спешить.

Впрочем, спустя несколько секунд я тоже поспешила: телефон показывал, что до предполагаемого прибытия в общежитие оставалось чуть больше часа.

Метро встретило меня теплом и густым воздухом. На эскалаторе я заняла правую сторону, осторожно поставив чемодан перед собой. По левой люди быстро спускались вниз, и каждый раз, когда чей-то рукав задевал моё плечо, я ещё крепче держалась за поручень. Наушники были под рукой. Я надела их, но музыку не включила: не хотела пропустить объявление нужной станции.

Пока поезд ехал, я смотрела на схему над дверью. Я уже видела её в приложении, но здесь она была крупной, с настоящими названиями станций и маленькими светящимися точками. Мне вдруг стало приятно, что маршрут, который несколько недель существовал только в моих заметках, постепенно превращается в реальную дорогу.

Напротив сидела женщина с букетом жёлтых хризантем. Мальчик рядом с ней внимательно рассматривал мой чемодан.

— Ты надолго приехала? — спросил он неожиданно.

Я растерялась.

— На учёбу.

— А-а. Я тоже на учёбу еду. В первый класс.

Женщина улыбнулась.

— Он теперь всем рассказывает.

— Это важное событие, — сказала я совершенно серьёзно.

Мальчик кивнул так, будто мы только что достигли полного взаимопонимания.

На Василеостровской я вышла из поезда уже с другим настроением. Я по-прежнему устала от дороги, но впервые за день захотелось не только добраться до цели, а ещё и посмотреть по сторонам.

На улице шёл мелкий дождь. Каменная стена дома напротив казалась почти серебристой. По мокрому асфальту проезжал трамвай; в его окнах на мгновение отражались вывески, люди под зонтами и ровный ряд высоких окон. Я подняла голову и улыбнулась.

В школе я могла часами изучать старые планы Петербурга. Теперь у меня был целый год, чтобы ходить по этим улицам самой.

И ещё, судя по телефону, двадцать три минуты, чтобы добраться до общежития.

***

Первое отклонение от плана произошло возле узкого прохода между домами.

На карте он был обозначен как обычная пешеходная дорожка. В реальности его закрывали металлические секции забора и лист фанеры с надписью «Проход запрещён. Ремонтные работы».

Я остановилась так резко, что чемодан стукнул меня по пятке.

Никаких ремонтных работ на фотографиях не было. Правда, фотографии сделали, вероятно, несколько месяцев назад. Было бы странно ожидать, что город будет поддерживать идеальное совпадение с моими скриншотами специально к моему приезду.

Но я всё равно разозлилась.

Не сильно. Ровно настолько, чтобы немедленно представить, как придётся возвращаться к предыдущему перекрёстку с мокрой сумкой и чемоданом, у которого одно колесо иногда начинало дребезжать.

Я открыла карту. Приложение предложило тот же проход.

— Спасибо за настойчивость, — пробормотала я телефону.

Попробовала выбрать путь в обход. Синяя линия исчезла, потом появилась снова, описала нелепый крюк и закончилась возле того же забора. Я повернула телефон, словно ориентация экрана могла изменить расположение домов.

За спиной кто-то остановился.

— Там не пройти, — сказал мужской голос.

Я обернулась. Пожилой мужчина нёс складной зонт и пакет с батоном.

— Я вижу, — ответила я и тут же пожалела: прозвучало резче, чем хотелось.

К счастью, он только пожал плечами.

— Улицу обойти надо. Здесь давно закрыли.

Он объяснил направление и ушёл раньше, чем я успела уточнить, где именно лучше переходить дорогу.

Я проверила сказанное по схеме. Маршрут действительно существовал. И, как ни странно, не выглядел сложным. Просто был другим.

Я сделала несколько шагов и остановилась возле перекрёстка. Впереди шумел поток машин, светофор переключился на красный. Под козырьком небольшого магазина стояла женщина в ярком плаще и пыталась сложить зонтик.

— Простите, — обратилась я к ней. — Вы не подскажете, откуда удобнее выйти к Малому проспекту?

Женщина посмотрела на меня, затем на чемодан.

— А вам куда именно?

Я назвала ближайший ориентир, не уточняя номер общежития.

— Тогда тут прямо до угла, направо и через перекрёсток. Только лучше идите по этой стороне, там тротуар пошире. У вас колёса маленькие, по той стороне намучаетесь.

Она показала рукой, и я машинально повторила маршрут вслух, чтобы запомнить.

— Всё правильно. Первый раз здесь?

— Да. Приехала учиться.

— Ну, с началом, — сказала женщина. — Питер иногда любит проверять приезжих дождём, но вы не пугайтесь.

Я улыбнулась.

— Постараюсь.

Она ушла. Я достала телефон, открыла заметки и быстро исправила маршрут. Сделала даже отдельную пометку: «Проход закрыт, обходить с южной стороны». Потом посмотрела на неё и рассмеялась над собой. Если бы кто-нибудь увидел, как тщательно я документирую пятиминутный обход, наверняка решил бы, что я составляю технический отчёт.

На следующем перекрёстке дождь усилился. Я раскрыла зонт, прижала локтем сумку и двинулась дальше. Ветер дважды пытался вывернуть зонт наизнанку, прохожие обходили меня, а колёса чемодана с завидной последовательностью попадали в неглубокие лужи.

По дороге я заметила сразу три вещи, которые хотелось запомнить: старую дверь с овальным окошком, табличку с дореволюционным написанием улицы и крошечную кофейню с бумажными журавликами на витрине.

Возле кофейни я даже остановилась.

У меня была маленькая привычка: если место казалось особенно интересным, я фотографировала его вход и позже отмечала на карте. Не чтобы обязательно вернуться. Просто мне нравилось знать, что оно существует.

Но сейчас рука была занята зонтом, поэтому я запомнила название и пошла дальше.

К тому моменту, когда на экране телефона появилась точка общежития, раздражение от закрытого прохода почти исчезло. Я добралась. Не так, как рассчитывала, но добралась.

Больше всего меня удивляло, что никто не потребовал объяснений за изменение маршрута. Женщина в плаще помогла, мужчина с батоном предупредил, и каждый отправился по своим делам.

Возможно, обращаться за помощью не было настолько сложной затеей, как я представляла.

Мама снова написала: «Ты в общежитии?»

«Почти», — ответила я и впервые не добавила подробностей.

***

Здание общежития оказалось ниже и светлее, чем я ожидала. Пять этажей, жёлтая штукатурка, тёмная дверь под широким козырьком. Над входом висела вывеска Северной академии визуальных искусств. Буквы были простыми и хорошо читаемыми, а вот стрелку к входу кто-то прикрепил настолько высоко, что я заметила её только тогда, когда уже стояла перед дверью.

Я сфотографировала вывеску.

Это был мой первый официальный предмет, принадлежавший академии. Не буклет, не изображение на сайте, не макет в презентации. Настоящая табличка на настоящем доме.

Телефон показывал 15:17. Я опоздала по собственному плану на семнадцать минут, и никто, кроме меня, об этом не знал.

Внутри было тепло. Слева от входа стояли два больших горшка с растениями, справа — стенд с объявлениями. На верхней полке стойки дежурной лежали стопки листов, рядом с монитором стояла кружка с надписью «Терпение — мой супернавык». Судя по выражению лица женщины за стойкой, надпись была скорее пожеланием, чем утверждением.

Передо мной ждали двое студентов. Один пытался найти нужный документ в папке, другая разговаривала по телефону, одновременно вынимая из рюкзака паспорт.

Я открыла свой прозрачный файл. Документы лежали в том порядке, в котором, как мне казалось, их должны были попросить. На первом месте — паспорт, затем бумаги о заселении, дальше копии. Мама ещё дома предложила сложить всё в одну большую папку, но я отказалась. В слишком большой папке документы могли перемешаться.

— Следующая, — сказала дежурная.

Я подошла.

— Добрый день. Ветрова Мирослава Андреевна. Первый курс.

— Паспорт.

Я подала его.

— А заселение у вас с какого числа?

Я назвала дату начала проживания.

Женщина быстро проверила данные на экране и перелистнула журнал.

— Триста семнадцатая. Ключ получите сейчас, второй экземпляр хранится у нас. Вот здесь расписаться. Ознакомиться с правилами, подпись на обратной стороне.

Она протянула лист. На нём было много мелкого текста: пропускной режим, порядок пользования кухней, запрет на курение, часы тишины, правила для гостей. Я пробежала глазами первую половину, но дежурная уже подвинула ручку.

— Можно я сначала дочитаю? — спросила я.

Женщина подняла на меня глаза.

— Читайте. Я не тороплю.

За спиной кто-то тяжело переступил с ноги на ногу. Мне сразу захотелось расписаться и уйти, но я продолжила читать. Всё-таки с этими правилами предстояло жить мне, а не человеку в очереди.

На втором абзаце про гостей я задержалась.

— Простите, а «по предварительному согласованию» — это с дежурной или с соседкой по комнате?

— Для посещения общежития — с администрацией по установленному порядку. А если у вас соседка, с ней тоже лучше договориться. Люди тут разные, сами понимаете.

Я кивнула. Действительно, разумно.

После нескольких подписей дежурная выдала ключ с пластиковой биркой и пропуск.

— На третий этаж по лестнице, направо. Кухня в конце коридора. Если что-то в комнате неисправно, запишите в журнал у нас. И фотографию для пропуска потом принесёте, не забудьте.

Я уже собиралась уходить, когда вспомнила вопрос.

— А где можно оставить обувь сушиться?

Дежурная посмотрела на мои промокшие ботинки.

— В комнате на коврике. Только не ставьте на батарею. В прошлом году у одной девушки подошва приклеилась. Отдирали всем этажом.

Я удивлённо подняла глаза.

— Такое возможно?

— Как видите.

Она впервые улыбнулась.

— Добро пожаловать, Мирослава. Следующий!

У стены возле лестницы я остановилась, чтобы записать то, что могла забыть: фото для пропуска, журнал неисправностей, кухня в конце коридора. Отдельно отметила вопрос о сушке обуви. Я не собиралась класть ботинки на батарею, но представляла, как трудно потом объяснять соседке, почему её подошва оказалась приклеена к отоплению.

По лестнице навстречу мне спускались две девушки. Одна несла большую коробку с чайником, другая — растение в пластиковом горшке.

— Убери лист от лица, я ничего не вижу! — жаловалась первая.

— Это ты коробку подняла до потолка!

Они уступили мне дорогу и продолжили спорить. Судя по голосам, ни одна особенно не сердилась.

На третьем этаже коридор тянулся в обе стороны. Двери были почти одинаковыми, но у каждой постепенно появлялись свои отличия: бумажные таблички с именами, наклейки, разноцветные коврики. Возле одной лежала пара роликовых коньков. Где-то работал фен.

Я нашла номер 317.

Из-за двери доносилась музыка и ещё чей-то голос. Сначала я решила, что Лера разговаривает с гостями, потом поняла: она подпевает. Не очень попадая в ноты, зато с большим удовольствием.

Я постучала.

Музыка не стихла.

Постучала сильнее.

Ничего.

У меня был ключ. Формально это была и моя комната тоже. Я достала его, повернула в замке и толкнула дверь.

— Привет? — сказала я, заглядывая внутрь.

— А-а-а!

Девушка возле окна подпрыгнула и обернулась. В руках у неё была гирлянда, а на плече висела длинная полоска прозрачного скотча.

Пару секунд мы смотрели друг на друга. Потом она широко улыбнулась.

— Мира?!

— Да.

— Ну наконец-то! Я уж думала, ты заблудилась.

— Почти, — честно ответила я.

— В смысле?

— Проход оказался закрыт. Пришлось обходить.

— Ой, расскажешь! Заходи скорее, я тут устроила небольшое стихийное бедствие.

Я вошла и сразу поняла, что «небольшое» в этой фразе было выражением доброжелательной скромности.

***

В комнате одновременно происходило несколько событий. На полу лежал раскрытый розовый чемодан, из него торчал рукав полосатой кофты. На подоконнике стояли две кружки и маленький кактус. Над одной кроватью висели фотографии, рядом с ними Лера пыталась закрепить гирлянду. На её столе высилась гора скетчбуков, цветных карандашей и пакетиков с печеньем.

Всё это было ярким и немного хаотичным, но удивительно живым. Как иллюстрация, в которой художник нарочно разместил слишком много деталей, а потом каким-то образом заставил композицию работать.

— Я Лера! — объявила девушка, хотя это было очевидно.

— Мира.

Она шагнула ко мне и обняла прежде, чем я успела решить, принято ли при первой встрече обниматься.

Объятие было коротким, но неожиданным. Я не успела поднять руки, поэтому просто постояла, сжимая ручку чемодана.

Лера отстранилась.

— Ой. Прости! Я всегда так делаю, когда радуюсь. Ты не любишь обниматься?

Я задумалась. Иногда любила. С мамой, например. С некоторыми людьми было приятно обниматься после долгой разлуки. Но с незнакомыми мне требовалось чуть больше времени, чтобы перестать чувствовать себя пойманной врасплох.

— Когда неожиданно, не очень, — сказала я.

— Всё, запомнила. Больше не буду без предупреждения.

Она произнесла это так просто, что мне не пришлось ни объяснять, ни извиняться.

— Спасибо.

— Ты проходи. Я сейчас освобожу путь к твоей кровати.

Лера подхватила с пола коробку и переставила её под стол. Потом заметила скотч на своём плече, отлепила и прикрепила к краю стола.

— Я ещё не закончила. Надеюсь, тебя не пугает мой творческий процесс.

— Пока я вижу только его последствия.

Лера расхохоталась.

— Ой, хорошо сказала. Всё, мы точно поладим.

Она обошла чемодан и указала на свободную половину комнаты.

— Я заняла кровать у окна, потому что приехала раньше. Ты не против? Если хочешь, можем поменяться.

Я посмотрела на свою будущую кровать возле двери. Рядом стоял стол, над которым была полка. Из окна туда тоже попадал свет, хотя и меньше.

Мне хотелось место у окна. Но Лера уже разложила вещи, повесила фотографии, поставила кактус. Перестановка потребовала бы усилий от нас обеих. Я быстро представила, как мы будем переносить матрасы и коробки.

— Не нужно, — сказала я. — Здесь тоже хорошо.

— Точно?

— Да. Стол даже ближе к розетке.

Я действительно обрадовалась этому, когда заметила расположение розетки. Лера посмотрела туда же.

— Вот видишь! У каждой кровати свои преимущества.

Я поставила чемодан возле шкафа и огляделась. На моей стороне было достаточно места, чтобы аккуратно разложить вещи. Над столом оставалась пустая стена. Я уже представляла, где повешу календарь и небольшую карту Васильевского острова.

— Давай чай? — предложила Лера. — У меня зелёный, чёрный и какой-то ягодный. Правда, чайник сейчас кактус подпирает.

Она повернулась к подоконнику. Кактус стоял совершенно самостоятельно.

— В смысле?

— Ну, коробка от чайника под ним. Я временно пересадила его в коробку, потому что в чемодане боялась разбить горшок. Неважно, сейчас разберусь.

Я посмотрела на кактус и поняла, что общение с Лерой вряд ли можно будет назвать скучным.

— Зелёный, пожалуйста.

Пока она возилась с чайником, я сняла мокрую куртку и достала из чемодана сухие носки. Хотелось переодеться целиком, но я не знала, удобно ли это делать при почти незнакомом человеке, поэтому ограничилась носками и мягкой кофтой.

Лера, не переставая разговаривать, рассказала, что приехала из Твери, что её младшие братья уже успели занять освободившуюся комнату и что мама трижды проверила, положила ли она полотенце.

— Я положила, конечно, — сказала Лера. — А вот зарядку от телефона забыла. Хорошо, внизу магазин есть.

— У меня запасная, — сказала я.

— Серьёзно?

— Да. Могу дать до вечера.

— Ты мой герой!

Она вскочила и, кажется, едва не обняла меня снова, но вовремя остановилась.

— Ой. Всё, помню. Спасибо, Мир.

Я достала зарядку из рюкзака и протянула ей.

Через несколько минут мы сидели за столами с кружками чая. Я постепенно разбирала вещи, а Лера наконец занялась гирляндой. Музыку она выключила без просьбы — просто потому, что мы начали разговаривать.

— Слушай, а ты что именно любишь в дизайне? — спросила она, когда я поставила ноутбук на стол. — Я пока между иллюстрацией и анимацией мечусь. Мне всё интересно сразу.

Я открыла папку со своими работами.

— Визуальную навигацию. Схемы, карты, знаки. И типографику тоже.

— То есть ты любишь рисовать указатели?

— Не только. Мне нравится придумывать, как человек поймёт пространство, в котором раньше не был. Вот, например…

Я открыла проект школьной библиотеки, над которым работала ещё в десятом классе. На экране появились план помещения, пиктограммы и цветовые обозначения отделов.

— У нас библиотека была на двух этажах, — объяснила я. — И люди часто спрашивали, где что находится. Я предложила разделить зоны по цветам, а ещё сделать указатели с крупными надписями и символами.

Лера придвинулась ближе.

— Ничего себе. Ты всё сама сделала?

— Да. Только план помещений мне дала библиотекарь.

— А вот эти значки? И шрифт? И цветовые сочетания?

Я кивнула.

— Очень красиво. И понятно. Я бы точно не потерялась.

Мне понравилась последняя фраза больше всех комплиментов, которые я получала за эту работу. Значит, она действительно увидела то, что я пыталась сделать.

— Спасибо. А ты покажешь свои рисунки?

— Конечно!

Лера схватила ближайший скетчбук, открыла его не с той стороны, быстро перевернула и положила между нами.

На первой странице была девушка в ярко-красном шарфе. Она стояла на крыше старого дома; вокруг неё кружились бумажные птицы. На следующей странице персонаж бежал по лестнице, перескакивая через три ступеньки. Движение было таким живым, что мне почти слышались шаги.

— Это одна история? — спросила я.

Лера обрадовалась.

— Да! Я хочу сделать короткий комикс. Про девочку, которая умеет находить потерянные вещи. Только сама всё время что-нибудь теряет.

— Хорошая завязка.

— Правда? А то мои братья сказали, что она похожа на меня.

— Возможно, поэтому и хорошая.

Лера рассмеялась.

Я перелистнула страницу и задержалась на рисунке, где красный шарф пересекал весь разворот.

— У тебя здесь удачно получилось направление. Шарф ведёт взгляд прямо к двери.

Лера опустила глаза на рисунок.

— Я три раза его переделывала именно ради этого, — сказала она удивлённо. — А мне все просто говорят: «Красивая девочка».

— Девочка тоже красивая.

— Да, но дверь важнее! — Лера оживилась. — Она потом окажется входом в место, где хранятся потерянные воспоминания.

Она рассказала мне сюжет. Иногда сбивалась, возвращалась к началу, на ходу придумывала новые детали. Я не всегда успевала следить за переходами, зато мне нравилось, как горели её глаза. Когда разговор дошёл до сцены с мостом, я предложила сделать лестницу с другой стороны здания: иначе персонажу пришлось бы обойти полквартала, чтобы добраться до двери.

Лера задумалась.

— А ведь точно. Ты у нас теперь отвечаешь за географию моего комикса.

— Я не соглашалась на такую должность.

— Поздно. Назначение состоялось.

— Тогда мне понадобится письменный договор.

— Я нарисую!

Мы одновременно засмеялись.

В какой-то момент я заметила, что всё ещё держу в руках один и тот же карандаш. Я достала его из пенала, когда собиралась разложить вещи, и так и не выпустила. За окном успел потемнеть двор, а мы продолжали обсуждать чужой вымышленный город.

Лера наконец поднялась закрепить гирлянду.

— Подожди, сейчас покажу, как она светится.

Она включила лампочки. Они замигали красным, синим и зелёным, бросая короткие цветные отблески на стену.

Я невольно прищурилась. Лера заметила.

— Ой, точно! Без мигания. Помню.

Она несколько раз нажала кнопку. Цвета сменились, а затем лампочки загорелись ровным тёплым светом.

Комната сразу стала уютнее. На моём столе лежал раскрытый блокнот с расписанием, над Лериной кроватью светились маленькие огоньки. За окном шумел дождь.

— Так хорошо? — спросила она.

— Очень.

Лера удовлетворённо кивнула.

— Значит, оставляем. Слушай, я так боялась, что мне попадётся соседка, с которой вообще не о чем говорить.

— Я тоже волновалась, — призналась я.

— Правда? А по тебе не видно.

Я посмотрела на свои уже разложенные вещи, на недопитый чай и на рисунок девочки в красном шарфе.

— Это не значит, что я не волнуюсь.

Лера на секунду задумалась.

— Логично, — сказала она. — Вообще странная идея, что по человеку всё должно быть видно.

И снова занялась гирляндой, словно произнесла нечто совершенно обычное.

Я подумала, что, пожалуй, захочу запомнить этот разговор.

***

К вечеру я успела разложить почти все вещи, но так и не вышла из комнаты дальше общей кухни. В комнате было чисто, кровать заправлена, на столе стояли карандаши, ноутбук и небольшой календарь. Я проверила, где находится розетка, и убедилась, что зарядка достаёт до стола. Лера устроилась на кровати с телефоном и время от времени читала мне сообщения из чата первокурсников.

— О, вот это интересно, — сказала она. — На втором этаже сегодня собираются все, кто уже заселился. Что-то вроде вечера знакомств.

Я посмотрела на неё.

— Все?

— Ну, кто захочет. Не прям все, конечно. В общей комнате.

— А сколько там людей?

— Не знаю. Пока человек десять отписались, но, наверное, больше будет.

Десять человек — не так уж много, если их представить по одному. Десять человек в комнате, где все одновременно разговаривают и пытаются запомнить имена, — совершенно другое дело.

— А обязательно идти? — спросила я.

Лера опустила телефон.

— Нет. Но я бы сходила. Хочется понять, с кем живём. Пойдёшь со мной?

Я уже собиралась ответить, когда телефон завибрировал у меня в руке.

Мама.

— Мне нужно ответить, — сказала я. — Можно я выйду в коридор?

— Конечно. Я пока узнаю, во сколько встреча.

В коридоре пахло чьим-то ужином. Поваренная вытяжка на общей кухне гудела, из соседней комнаты доносился смех. Я прошла к окну возле лестницы, где было немного спокойнее, и ответила.

— Привет, мам.

— Наконец-то! Я уже думала, ты потерялась. Ну как?

— Заселилась. Всё нормально.

— Комната хорошая?

— Хорошая. Маленькая, но есть стол и шкаф.

— Соседка?

— Лера. Мы познакомились.

— И как она?

Я невольно улыбнулась.

— Рисует. Очень много разговаривает. У неё интересный комикс, а ещё она забыла зарядку от телефона.

— Ты дала ей свою?

— Запасную.

Мама засмеялась.

— Вот когда пригодились твои запасы. А ты поела?

Я вспомнила утренний бутерброд, шоколадный батончик в поезде и две печеньки к чаю.

— Пока не ужинала.

— Мир! Ну сколько можно?

— Сейчас поужинаю, честно.

— А то ты за своими документами и картами забудешь, что вообще-то есть ещё жизнь.

Я смотрела в окно. Во дворе стояли припаркованные машины, в глубине виднелась большая липа. На мокрых ветках блестели капли дождя.

— Мам, тут красиво, — сказала я.

Она помолчала.

— Покажи потом фотографии.

— Покажу.

— Я рада, что ты добралась. И, Мир… Не старайся за один день всё успеть. Время будет.

Меня удивило это замечание. От неё я ожидала скорее напоминания сходить познакомиться со всеми.

— Хорошо.

— Позвони завтра после занятий, ладно?

— Завтра ещё организационный день, — уточнила я. — Настоящие занятия чуть позже.

— Тогда после организационного дня. Ты меня поняла.

Я усмехнулась.

— Поняла.

Когда разговор закончился, я ещё постояла у окна. За день у меня накопилось множество впечатлений: поезд, вокзал, метро, незапланированный обход, заселение, Лера, её рисунки. Всё это было хорошим. Почти всё. Но я чувствовала себя так, будто прожила не один день, а несколько подряд.

Мне хотелось вернуться в комнату, надеть старую серую футболку и просто полежать. Не обсуждать будущее, не запоминать имена, не доказывать самой себе, что я способна быть общительной.

Я уже сделала шаг к двери, когда услышала голоса возле лестницы.

— Ты идёшь на знакомство? — спросила одна девушка.

— Конечно! А то потом весь год будешь думать, кто живёт за стеной.

Они засмеялись и побежали вниз.

Я проводила их взглядом.

Возможно, они были правы. В новом месте стоило воспользоваться шансом. Тем более Лера предложила пойти вместе. И я сама хотела познакомиться с другими студентами, просто желательно не прямо сегодня.

Вернувшись, я увидела, что Лера уже выбрала доставку еды.

— Я решила, что сначала надо поесть, — заявила она. — Иначе на знакомстве я буду представляться исключительно как голодный человек.

— Хороший план.

— Пиццу будешь? Здесь есть с грибами, с сыром и… о, с ананасами!

Я подняла глаза.

— С ананасами?

— Не смотри так. Это прекрасно.

— Я ничего не сказала.

— Ты очень выразительно промолчала.

Я засмеялась.

Мы заказали две небольшие пиццы — мне с грибами, ей с ананасами. Пока ждали доставку, Лера рассказала, что тоже немного волнуется перед встречей с остальными. Я удивилась: человек, который за два часа успел поведать мне половину своей жизни, казался неспособным переживать из-за новых знакомств.

— Я просто начинаю много говорить, когда нервничаю, — призналась она. — Чем страшнее, тем больше слов.

— Это объясняет некоторые вещи.

— Какие именно?

— Я пока собираю данные.

Лера швырнула в меня мягкую подушку. Я поймала её, и мы обе расхохотались.

Всё оказалось не так, как я представляла вчера вечером. Лера была не просто общительной девушкой, которая легко со всеми ладит. Она тоже нервничала. Тоже боялась показаться неловкой. Просто у неё это выглядело совсем иначе.

После ужина я всё-таки согласилась идти. Не из-за блокнота и не только из-за маминого совета. Мне хотелось узнать хотя бы несколько лиц в этом длинном коридоре, а рядом с Лерой это казалось возможным.

— Только ненадолго, — предупредила я.

— Договорились, — кивнула она. — Если что, уйдём. Я тоже завтра хочу быть похожей на человека.

Я посмотрела на свои часы. До встречи оставалось пятнадцать минут. Можно было посидеть в тишине и переодеться.

— Мне нужно немного отдохнуть перед выходом, — сказала я.

— Конечно. Я пока посуду уберу.

Лера взяла наши кружки и направилась к кухне. Я осталась одна.

За окном почти перестало дождить. В комнате тихо светилась гирлянда, и на стене возле моей кровати дрожало отражение ветки. Было странно думать, что ещё вчера я не знала ни этих стен, ни этой девушки, ни того, где здесь включается свет.

Я достала тёмно-синий блокнот из рюкзака, открыла чистую страницу и написала:

«Первый день в Петербурге».

Ниже перечислила то, что хотела запомнить: старая фотография на вокзале, женщина в красном плаще, табличка академии, комикс Леры, тёплая гирлянда.

Подумала и дописала: «Город красивый».

Потом: «Очень устала».

Я несколько секунд смотрела на последнюю строчку. Рядом с остальными она казалась неуместной, как замечание на полях хорошей контрольной. День ведь прошёл удачно. Никто не обиделся, я ничего не потеряла, заселилась без неприятностей, познакомилась с интересным человеком.

Но усталость от этого никуда не делась. Я не стала вычёркивать её.

В дверь постучали, и Лера просунула голову в комнату.

— Мир, ты не передумала?

— Нет. Сейчас приду.

Я закрыла блокнот, положила его в ящик стола и встала.

На втором этаже было слышно музыку. Не слишком громкую, но достаточно, чтобы я заранее представила комнату, полную разговоров. Лера шла рядом, поправляя выбившиеся из хвоста пряди.

— Слушай, — сказала она по дороге. — Если я начну говорить без остановки, можешь меня толкнуть.

— Не хочу применять физическое насилие в первый день знакомства.

— Тогда просто скажи, что я заболталась.

— Попробую.

— А я, если что, тебя представлю. Ты не против?

— Не против.

Мы подошли к открытой двери общей комнаты. Внутри стоял длинный стол с бумажными стаканчиками и печеньем. Несколько студентов сидели у окна, остальные разговаривали небольшими группами. Кто-то обсуждал расписание, кто-то спорил, в каком корпусе находится мастерская печати.

Я могла бы ответить на этот вопрос. Схему корпусов я изучила ещё до приезда. Но пока решила не вмешиваться.

Девушка возле входа подняла глаза и дружелюбно улыбнулась.

— Привет! Вы тоже первокурсницы?

Лера кивнула.

— Да! Я Лера, а это…

Она повернулась ко мне, давая возможность самой закончить.

И я вдруг оказалась перед тем самым вопросом, на который вчера несколько раз репетировала ответ у зеркала.

Только сейчас передо мной была не я сама, а настоящие люди. Один держал стаканчик с чаем, другая поправляла край свитера, третья девушка улыбалась так искренне, что мне стало немного легче.

Я не стала вспоминать, какой вариант приветствия звучал дружелюбнее.

— Привет, я Мира, — сказала я.

Девушка назвала своё имя и отступила, пропуская нас внутрь.

Я вошла вслед за Лерой.

На столе лежали бумажные карточки и толстый чёрный маркер. Девушка у входа объяснила, что на карточках нужно написать своё имя: так не придётся спрашивать его по пять раз. Мне понравилась идея. Я аккуратно вывела «Мира» и прикрепила карточку к кофте.

Лера написала своё имя такими крупными буквами, что последняя едва поместилась. Потом заметила мой взгляд.

— Что? — шепнула она. — Пусть сразу запомнят.

Я засмеялась. Рядом кто-то спросил, будем ли мы участвовать в игре на знакомство. Я ещё не знала, что это за игра и хочу ли я в ней участвовать, но решила сначала хотя бы узнать правила.

Первый день в Петербурге не сделал меня новым человеком. Я по-прежнему волновалась перед разговорами и хотела вернуться в тихую комнату раньше остальных. Но у меня уже была соседка, которая помнила про немигающую гирлянду, несколько мест, куда я собиралась вернуться, и маленькая запись в блокноте о том, что хороший день тоже может оказаться утомительным.

Наверное, для начала этого было достаточно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.